

Когда дом горит, музыкой его не спасёшь

Неопубликованная беседа Валентина Распутина и болгарского писателя Лучезара Еленкова

В марте нынешнего года в Болгарии прошли Дни памяти Валентина Распутина, посвящённые 80-летию со дня рождения классика литературы. В программу была включена и презентация моей книги о писателе, вышедшей недавно в серии «ЖЗЛ». На представлении её в разных аудиториях Софии неизменно присутствовали писатели и переводчики, которые дружили с Валентином Григорьевичем много лет. Среди них был выдающийся болгарский поэт, прозаик и публицист Лучезар Еленков. Он познакомился с Распутиным в Москве на заре их общей писательской молодости. Лучезар возглавлял тогда Болгарский культурный центр в российской столице, был соредктором, вместе с русским поэтом Владимиром Фирсовым, советско-болгарского литературного журнала «Дружба». Сейчас Еленков издаёт в родной стране две газеты. Одна, носящая название «Жарава» («Жаровня», хранилище огня), — национальный вестник Антифашистского союза, вторая — писательская с оптимистическим названием «Моя вера».

После наших бесед в Софии Лучезар прилетел в Москву на необычные творческие встречи. Министерство иностранных дел России, среди дипломатов которого немало членов Союза писателей, пригласило в столицу своих коллег — поэтов и прозаиков из нескольких дружественных стран. Еленков оказался в их числе: когда-то он служил на дипломатическом поприще. В череде творческих выступлений Лучезар выкричал время и побывал у меня в гостях. Он передал текст своей беседы с Валентином Григорьевичем, датированной 20 февраля 1990 года. Время было трагическим, на разломе эпох, причём не только для нашей страны, но и для Болгарии. Здесь тоже здравые голоса задушались либералами. Интервью осталось неопубликованным. Тем интересней вернуться к этому документу, каждая строка которого и сегодня звучит убедительно.

Андрей РУМЯНЦЕВ
народный поэт Бурятии,
заслуженный работник культуры России

Лучезар Еленков: Я познакомился с вами в начале семидесятых годов. На моей родине вас знают как большого русского писателя. Скажите, а в СССР есть такое понятие, как болгарская проза?

Валентин Распутин: Конечно! Кто из нас не читал Ивана Вазова, Димитра Димова, Димитра Талева, Ивайло Петрова... Наши литературы шли параллельно путями общих творческих и душевных интересов. Мы во многом смотрели на происходящее в жизни одинаковыми глазами. Вот говорят: задачи литературы. Да какие задачи, когда сама боль прощания с многовековым укладом жизни, а может быть, и предчувствие прощания с родиной каждого из нас, кто способен был помнить тепло родины, просились на писательское перо!

Болгария для многих из нас была и есть страной не только солнечного тепла, но и душевного тепла её народа. И вот трудно представить теперь: отныне мы перейдём на голый расчёт? Что мы по всем статьям, так сказать, купцы, пусть и ведущие справедливый торг? А как быть с кириллицей, как быть с освободительной миссией России в семидесятых годах прошлого века? Отдать истории, сдать в архив — и только? Я знаю: есть сейчас в Болгарии люди, которые склонны считать, что судьба Болгарии под османским игмом была бы счастливой. У нас точно так же сыщутся умники, которые скажут, будто латынь для русского ничем не хуже кириллицы. Но ведь это помрачение, это неминуемо пройдёт и всё встанет опять на свои места. Однако прежде чем встанет, политиканство и вольномыслие за пределами разума могут натворить немало бед в отношениях между нашими культурами, да и просто между людьми. А эти потери, я уверен, приведут и к потерям экономическим.

Л.Е.: Спасибо за тёплые слова о Болгарии, о нашей литературе. Это очень важно. То, что ваши произведения часто выходили на болгарском языке, нас радует. Хочу напомнить: первое стихотворение Евгения Евтушенко за границей появилось тоже на болгарском языке. Впервые роман Булакова «Мастер и Маргарита» вышел у нас после войны. Есть много других примеров, показывающих, какие тёплые связи были у наших литератур.

В.Р.: Можно назвать десятки русских писателей, которые любили Болгарию и создали здесь замечательные произведения. Нам с гордостью показывали места, где работал Паустовский, где бывали Шолохов, Леонов, многие другие...

Л.Е.: Паустовского мы помним. Когда он приезжал, я был молодым. На черноморском побережье есть

его музей — комната, где он жил. С Болгарией были тесно связаны Леонид Леонов, почти вся плеяда вашего поколения... Скажите, над чем вы сейчас работаете?

В.Р.: Это самый трудный вопрос. Настолько сейчас тяжёлое и горячее, во всех отношениях смутное время, что если бы даже была у меня возможность писать, я бы не смог отдаться только литературной работе и писать с той же уверенностью в завтрашнем дне и читателе, что раньше. Если не вмешиваться в происходящие события и держаться в сторонке от них, может ведь так случиться, что наши книги с разными там чувствами, строгой моралью и ссылками на человеческую душу и читать будет некому. Люди предпочитают комиксы, дешёвые приключения и грязные увлечения.

Сейчас на общество в несколько лет свалилось слишком много соблазнов: и политических, и экономических, и каких только нет, вплоть до физиологических. У Василия Шукшина есть выражение: «народ весь разобрался», говорящее о нашем духовном неблагополучии и разобщённости. В обществе сегодня такой разнородной мнений, вкусов и предложений, что неискушённому человеку разобраться в них трудно. Старые авторитеты отменены, новые в борьбе за власть спекулируют любыми лозунгами, лишь бы перетянуть массы на свою сторону. Всё смешалось в российском доме. К политической сумятице нужно добавить насаждение бесстыдства, бескультурья, пропаганду самых тёмных, «подпольных» начал человеческой жизни. А лозунг «обогащайтесь!», который на практике означает, что в считанные месяцы явилась тьма бизнесменов, готовых купить на практике и продать всё, вплоть до отечественных святынь.

В такой обстановке, поверьте, трудно сохранять нейтралитет и оставаться спокойным. Вот и тратишь перо на статьи, чтобы дать людям своё толкование событий и удерживать их от разинщины, которая привела бы к окончательной гибели страны.

Конечно, я заставляю себя обмакивать перо и в ту чернильницу, где не социальные страсти, а человеческие переживания и где добро и зло, как в пору нашей молодости, ещё хорошо различимы.

Л.Е.: Я помню, как обрадовалась девушкам в аэропорту, когда я сказал, что знаю вас как писателя.

Л.Е.: Скоро в вашей стране будет открыт памятник Христо Ботеву. К этой акции подключилось множество общественных организаций и неформальных движений Советского Союза. Я думаю, что открытие памятника покажет, что в наше время, когда есть напряжение, истоки дружественных связей у наших народов вечные и что никто не сможет обмануть наших людей. Как вы считаете, на какой основе надо развивать отношения с живущими на территории Советского Союза болгарскими?

В.Р.: В русском характере и в славянском в целом есть свои особенности, свои черты, которые отличают его от любого другого. В последнее время они всё больше стираются на общий манер, но живы ещё и внимательному взгляду заметны. Славянин как бы выпелился из природы позднее и не успел потерять с нею связь, пуповина между ним и окружающим боготением не успела отвалиться. Поэтому славянин, как мне кажется, человек глубокого чувства. Он может падать в созерпательность, как в обморок, главный орган его существования — душа.

Вы заговорили о славянине и социализме. Я не решусь сказать, что славянин рождён для социализма и что эта идея лучше всего отвечает строю его души. Но в общине русский человек жил веками и пользовался этой хозяйственной и духовной структурой с огромной пользой для себя и государства. Он бы и колхозы перевёл в общину (а кое-где и удалось перевести), если бы не постоянный надзор и обдираловка, что и заставило самого лучшего работника и хозяина опустить руки.

Старая жизнь не устраивает нас. Давайте строить новую, более свободную, обеспеченную и справедливую. Но не так, как все

В.Р.: Разумеется, любое национальное меньшинство, в каких бы условиях по воле судьбы оно ни оказалось, должно поддерживать в себе национальное звучание и жить в собственной культурной и языковой среде. Пусть сколько угодно называют это национализмом — ничего страшного в этом понятии нет, когда национализм — культурный, ратующий за сохранение традиций, обычаев и самосознания родного народа. Сепаратизм некоторых наших республик вызван не национализмом, как принято думать, а политическим экстремизмом. И там, где оно начиналось с национальных лозунгов, — или отсутствовала культура, или её удалось подавить и подменить политическими требованиями. Такое сейчас, к сожалению, в порядке вещей.

Советские болгары живут не в чужом мире, а среди близких им славян. Тем бо-

в том же горячем энтузиазме подбивают людей: сперва всё от начала до конца разобрать, а потом заново возвести то прекрасное здание, которое нам нравится. Но ведь разумный хозяин, не построив новый дом, не станет старым ломать и не останется на улице под дождём и снегом. К тому же неплохо бы спокойно разобраться, что следует ломать и что пригодится впредь.

Это неправда, что всё у нас в прежние десятилетия было только плохо. Умели быть и людьми, умели защитить свои ценности и создавать новые. И в литературе работали неплохо, несмотря на цензуру. Теперь вот нет цензуры, а много ли литературы? Дурость полезла из всех щелей, безвкусица и безнравственность. И не стало им никакого удержу. Это, что ли, свобода? Нет, это насилие с другого конца, ещё худшее и совсем бесконтрольное. Сегодняшняя разнузданность не знает границ, и если не остановить её, если не указать хамству на его место, можно уйти очень далеко.

более необходимо помочь болгарам сохранить всё своё, тогда и настроение у них будет лучше, и поработают они вдвое. Нет, вопреки всему не материя первична, а дух, и сегодняшнее положение моей страны подтверждает это. Когда бы был здоровым дух, стояло бы крепче моё Отечество и не поддавалось бы с такой лёгкостью на чужие модели во всём и вся.

Л.Е.: Последний вопрос. Вам не кажется, что национальные проблемы в Советском Союзе легче решить именно при помощи культурных связей, а не военной силой?

В.Р.: Конечно! И всё-таки, когда дом горит, музыкой его не спасёшь. Приходится вызывать пожарных. А отстояли от огня — можно заводить музыку. Только хорошую, действующую целительно на сердце и душу, внушающую любовь и необходимость друг другу всех, кто живёт в мире.